

— Великий генерал Линь прибыл в столицу!

Деревянный брусок, ударившись о выдавшую виды столешницу в чайной, издал резкий, отчетливый звук. Сказитель, стоя перед забитым до отказа залом, вещал с непоколебимой уверенностью:

— Поговорим же о великом генерале Лине. Его расчеты безупречны, а мудрость и доблесть не знают равных. Он — истинная опора нашего государства Наньчжао, военачальник, чье место во главе трех армий неоспоримо.

— Генерал Линь вступил в ряды армии в четырнадцать лет, неся службу на северных рубежах. Именно тогда случилась та ужасающая трагедия в Шанчжане. Войска Бэйянь внезапно напали, разорив наши города, перебив народ и захватив наши земли. Из ста тысяч жителей Шанчжана в живых осталось едва ли сто человек, и среди них — юный Линь, бывший тогда простым рядовым.

Слушатели в зале взорвались проклятиями: Бэйянь погрязли в злодеяниях, небо не простит им этого! Такая кровная месть не может быть забыта!

— Верно говорите! — сказитель снова ударил бруском. — На второй год после трагедии император Сюаньу лично возглавил карательный поход.

— Именно в той битве пятнадцатилетний генерал Линь впервые проявил свой дар. Обладая талантом полководца, он с отрядом всего в сто воинов совершил ночной налет на лагерь врага. Одной лишь хитростью он обратил в бегство три тысячи конников Бэйянь, совершив подвиг, который лег в основу освобождения северных земель.

— Император Сюаньу по достоинству оценил его. После замирения Шанчжана семнадцатилетний Линь был назначен командиром лагеря Чжан, возглавив пять тысяч элитных кавалеристов.

— Год спустя император вновь отправился в поход, и генерал Линь стал его авангардом. Под его яростным натиском войска Наньчжао были непобедимы. В итоге они отвоевали одиннадцать городов и вышвырнули захватчиков за пределы наших границ.

— Впоследствии великий генерал повел войска на север, захватил одну из областей Бэйянь и принудил их императора просить о перемирии и мире.

— За ратные заслуги, когда пришло время церемонии совершеннолетия, император Сюаньу лично возложил на него венец, даровал почетное имя и титул Великого генерала, подавляющего Север, вверив ему триста тысяч воинов.

— С тех пор генерал Линь стоит на страже севера, и Бэйянь не смеют помышлять о нападении.

Эти годы в Наньчжао прошли в мире и процветании, и в этом величайшая заслуга генерала.

— Посчитайте сами: генералу еще нет и двадцати четырех, а он уже командует целой армией. Столь юный и облеченный такой властью — поистине редкий талант. Воистину, древняя мудрость гласит: герои рождаются в юности. Для нашего государства иметь такого верного слугу — великое счастье!

Зал отозвался одобрительным гулом, люди наперебой славили доблестного полководца, оберегающего покой страны.

Кто-то из толпы спросил:

— Генерал Линь охраняет север, внушая страх врагам, так что же заставило его внезапно вернуться в столицу?

— А что еще могло случиться? Дела дворцовые, — прошептал кто-то в ответ. — Император Сюаньбу был в самом расцвете сил, но внезапно скончался. Наследника он не оставил, трон пустует, ситуация при дворе туманна. Кто станет следующим правителем — вопрос жизни и смерти для всего Наньчжао.

— Генерал Линь далеко на границе, и вести дела с двором ему не с руки. В такой критический момент он, конечно, должен быть здесь, чтобы участвовать в решении судеб страны.

Кто-то вздохнул:

— Император Сюаньбу был мудр и милосерден, благодаря ему мы прожили десять лет в мире. Теперь, когда его не стало, трудно сказать, что ждет наше государство в будущем.

— Тише! Разве нам пристало обсуждать дела престола? Жить надоело? Кто будет следующим императором — не нам решать! Лучше бы подумал, как жену себе найти.

Толпа расхохоталась, и разговор вновь вернулся к генералу.

— А как он выглядит? Был ли замечен в любовных интригах с красавицами?

Молодой военачальник на столь высоком посту должен быть окружен вниманием дам. Слухи о красавцах и красавицах живут дольше, чем память о военных победах. А если к этому прибавить историю о герое, потерявшем голову из-за любви, — это станет легендой на века.

Шумная чайная вдруг затихла, воцарилась гробовая тишина.

Сказитель ударил брусом, и его слова прозвучали, как сталь:

— Ходят слухи, что генерал Линь обладает мощным телосложением, лицо его страшно, а зубы

подобны клыкам. Он постоянно носит маску, скрывающую ужасный облик, и враги из Бэйянь при одном его виде в ужасе бегут прочь.

— Северяне даже дали ему прозвище — Боевой призрак.

— Они боятся его, а народ наших северных областей чтит его и страшится одновременно. В народе даже поговаривают, что если приклеить его портрет на дверь, то это отгонит злых духов — вернее, чем изображение Чжункуя.

Одним словом, генерал Линь уродлив, и всякий, кто увидит его, содрогнется от ужаса.

В зале на мгновение стало тихо, но вскоре шум возобновился.

— Да разве бывают военачальники хрупкими? Если он будет выглядеть слабым, то как сможет держать меч или натянуть лук?

— Настоящий мужчина должен совершать подвиги, а внешность — это пустое.

— Он ведь не какой-нибудь столичный щеголь, что пудрит лицо белее, чем у девицы.

Люди наперебой принялись защищать генерала. Полководец должен выглядеть грозно, подобно гневным божествам, чтобы внушать страх врагам. О любовных же похождениях никто больше не вспоминал.

Простая, но прочная повозка из железного дерева пронеслась по улице мимо чайной. Шум и людские пересуды, подхваченные восточным ветром, донеслись до тех, кто сидел внутри.

Чжуюэ, верная стражница с отменным слухом, услышала каждое слово и не сдержала смешка. Не в силах перестать улыбаться, она украдкой взглянула на самого генерала Линя, сидевшего напротив.

Никаких клыков и устрашающего вида.

Генерал был высокого роста, худощав, и даже под тяжелыми латами его плечи казались не шире, чем у обычного мужчины.

Что же до лица... тут все было непросто.

У него были удивительно правильные черты. Красота скрывалась в самой структуре костей: острый подбородок, четкие, словно высеченные резцом линии. Если бы он надел женскую маску с цветами, любой принял бы его за красавицу, скрывающую свое лицо.

Но он носил ужасающую маску демона-цилиндра, закрывавшую верхнюю часть лица. Глаза за прорезями маски смотрели холодно и остро, словно наконечники копий. В последнее время, из-за дурного настроения, от него исходила такая мрачная аура, что слухи об отпугивании злых духов казались вполне правдоподобными — он был способен заставить замолчать любого плачущего ребенка.

Как на самом деле выглядит лицо под маской, Чжуюэ, три года прослужившая его телохранителем, так и не узнала. Но, как верно подметили люди, настоящий мужчина должен совершать великие дела, а красив он или уродлив — не имеет значения. Она была любопытна, но никогда не пыталась заглянуть под маску.

Генерал Линь, облаченный в легкие золоченые доспехи, сидел на мягком сиденье, вытянув одну ногу и согнув другую. Он хранил молчание. Его поза была небрежной и властной, а аура внушала трепет. Чжуюэ не решалась заговорить с ним, и в повозке царила гнетущая тишина.

Повозка миновала оживленные кварталы, свернула в узкий переулок и остановилась в пустынном, заброшенном месте.

Снаружи раздался высокий, характерный для евнухов голос Сунь Юдэ:

— Генерал, мы прибыли в поместье Хоу.

Линь Цэ с раздражением цыкнул, нахмурился и широким шагом вышел из повозки.

Поместье Увековечивающего Государство Хоу занимало огромную площадь, уставленную павильонами — это намного превышало установленные нормы для титулованной знати первого ранга, которым полагалось не более пятидесяти му земли. Роскошь убранства когда-то могла соперничать даже с императорским дворцом.

Но это было десять лет назад.

Сейчас поместье пришло в упадок: алые ворота облупились, позолоченная табличка держалась на честном слове и висела так, что в любой момент могла рухнуть, разлетевшись в щепки.

Сунь Юдэ достал из рукава свиток — указ вдовствующей императрицы Дун.

— Генерал, мы... — он оглядел тусклые ворота и замялся, не зная, как позвать хозяев. Внутри явно не было даже привратника.

Линь Цэ молча хмыкнул, подошел к воротам и со всей силы ударил по ним ногой.

Истлевший засов с глухим треском сломался. Ржавые петли отозвались пронзительным визгом.

Такой грубый способ входа заставил Сунь Юдэ и Чжуюэ переглянуться в недоумении. Линь Цэ, не обращая внимания на их замешательство, решительно шагнул внутрь.

Двор был таким же пустынным, как и снаружи. Земля поросла травой по колено, скрывая тропинки. Постройки вокруг посерели от времени и были затянуты паутиной. Порыв холодного ветра, прорвавшись сквозь остатки бумажных окон, издал жалобный стон, похожий на плач призрака.

У Чжуюэ по спине пробежали мурашки. Несмотря на свое мастерство, она не могла отделаться от чувства страха, оказавшись в этом заброшенном, похожем на дом привидений месте.

— Генерал, здесь правда кто-то живет? Не может быть... это не призраки?

Линь Цэ усмехнулся:

— Призраки или люди — скоро узнаем.

Он зашагал к заднему двору.

У главного павильона показалась фигура.

Человек был высокого роста, но худощавого телосложения, одет в простые одежды из мешковины, которые сливались с серым запустением этого места. Однако его внешность совершенно не вязалась с окружающей разрухой.

Несмотря на бедняцкий вид, его черты лица были столь совершенны, что казались выточенными мастером. Он выглядел до того прекрасно и притягательно, что невольно вспоминались легенды о демонах, обитающих в заброшенных домах.

Сунь Юдэ на мгновение замер, но, придя в себя, быстро развернул свиток и принялся читать:

— Одиннадцатый год правления Сюанью, год Гуйю. По указу вдовствующей императрицы, сын Великой княгини Аньпин и Увековечивающего Государство Хоу...

Он едва успел начать, как Линь Цэ, потеряв терпение, сделал широкий шаг вперед и рукоятью меча приподнял подбородок человека, стоявшего на коленях.

— Ты и есть Чжоу Цзэи?

Чжоу Цзэи поднял глаза и встретился с ним взглядом.

В его глазах читалось равнодушие, но из-за необычайно утонченной красоты в них сквозила какая-то странная, почти женственная притягательность.

— Сын Великой княгини Аньпин, — с издевкой произнес Линь Цэ. — Глядя на это лицо, я бы подумал, что княгиня вернулась в мир живых. Мужчина с такой внешностью — будущая беда для государства, настоящий демон.

Чжоу Цзэи молчал, все так же равнодушно глядя на него. Его персиковые глаза, даже в покое,

казались полными чувственности. Если бы перед ним был кто-то другой, он бы наверняка смягчился и не смог произнести ни одного грубого слова.

Но Линь Цэ был непреклонен. Молчание собеседника его лишь раздражало. Словно камень, брошенный в омут, который не вызвал ни единой ряби. Гнев генерала вспыхнул с новой силой. Он бросил взгляд на Сунь Юдэ:

— Брось ему указ, пусть сам читает.

Сунь Юдэ не осмелился бросить императорский указ, но и послушаться генерала не мог. В итоге он обеими руками протянул свиток Чжоу Цзэи.

Линь Цэ холодно хмыкнул, дождался, пока тот возьмет бумагу, бросил Сунь Юдэ: Уходим, — и развернулся, не оглядываясь.

Сунь Юдэ поспешил за ним. Отойдя на приличное расстояние, он прошептал:

— Теперь он пожалован титулом Хуай-вана, чиновник первого ранга. Генерал, так вы наживете себе врага в его лице и в лице императрицы...

— Они оба нуждаются во мне, — усмехнулся Линь Цэ. — Не то что насмешки, даже если я заставлю его встать на колени и бить поклоны, он будет вынужден подчиниться.

Настроение генерала было хуже некуда. Сунь Юдэ опустил глаза и больше не проронил ни слова.

Чжуюэ, все это время следовавшая за ними в полном недоумении, дернула Сунь Юдэ за рукав:

— Что за вражда между ними?

Император Сюаньэ скончался внезапно, в расцвете лет, и генерал был глубоко опечален. А стоило ему получить указ о возвращении и встретиться с вдовствующей императрицей, как он стал сам не свой. А при виде этого Чжоу Цзэи он и вовсе пришел в ярость. Чжуюэ никогда еще не видела его таким разгневанным.

Что же скрывает это странное поместье Хоу?

<http://bllate.org/book/20257/2020357>